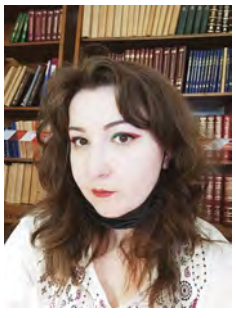
БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА КПК В СПЕЦИАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАЙОНАХ КНР

doi 10.34920/2181-8207/2024/1-103

Станислав Германцев, ведущий библиотекарь, библиотека №261, Объединение Культурных Центров Троицкого и Новомосковского Округов

Сильвия Петрова, соискатель Института Востоковедения РАН, специалист по УМР ИФИ РГГУ

Abstract: Modern China is a dynamically developing state that combines party dictatorship with ideology and capitalist methods of economic management. This article examines the features of the historical formation and development of censorship in communist China. The authors reveal the history of censorship in the PRC in the areas of printing and publishing and, as a result, its impact on library collections. In conclusion, a brief overview of the current state of censorship regulation in libraries of the People's Republic of China is given, in particular in the territories of the special administrative regions of Hong Kong and Macau.

Keywords: censorship; China; library; book; publishing houses

Аннотация: Современный Китай - это динамично развивающееся государство, которое совмещает в себе партийную диктатуру на идеологию и капиталистические методы ведения хозяйства. В данной статье рассматриваются особенности исторического формирования и развития цензуры в коммунистическом Китае. Авторы раскрывают историю цензуры в КНР в сферах печати и издательского дела и, как следствие – её влияние на библиотечные фонды. В заключение приведен краткий обзор современного состояния цензурного регулирования в библиотеках Китайской Народной Республики, в частности на территориях специальных административных районов – Гонконга и Макао.

Ключевые слова: цензура; Китай; библиотека; книга; издательства

Китай – государство с тысячелетней культурной традицией, которая не прерывалась по сию пору. Были периоды политической раздробленности, гражданских войн, целые эпохи, когда на императорском троне сидели императоры из династии покорителей Китая. Однако все эти исторические перипетии не смогли размыть традиционную идентичность и менталитет, которой всегда была присуща строгость нравов и защита интересов власть имущих. Потому цензуру можно считать одним из культурных аспектов китайской цивилизации. Лишь XX век смог, в какой-то мере, изменить вектор развития, предложив две дороги, по которым мог пойти Китай. Большая дорога – «коммунизм с азиатской спецификой» и меньший путь – более демократический.

На протяжении всей первой половины XX в. на территории Китая осуществлялась борьба за власть и влияние как внутренних противоборствующих сил, так и внешних интервентов. Сложившаяся ситуация привела к появлению множественных частных издательств и относительной свободе печати, которая была скорее подобна хаосу. Потому с установлением в 1949 году власти Коммунистической партии Китая (КПК) и образованием КНР, оставшиеся в стране идеологические противоречия и различия оказали большое влияние на политику выпуска публикаций и на производство культурной продукции в целом. Хотя культурное пространство в первые годы существования КНР в целом было ограниченным, политический климат для культурного творчества был относительно благоприятным до наступления Культурной революции, а издательства все еще имели возможность публиковать книги в перерывах между политическими кампаниями. Для начала, мы рассмотрим издательское дело в Китайской Народной Республике, ибо

от ассортимента, качества, а также тиражей издаваемых книг зависит пополнение и комплектование библиотечных фондов[1].

После краткого периода идеологической релаксации в 1956 – начале 1957 гг., поощряемой партией, проходящее под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», в июле 1957 г. развернулось массовое политическое преследование под названием «Движение против правых элементов». Эта волна преследований исключила любую возможность открытой критики правительства и издание любой литературы, расходящейся с политикой партии. В ответ некоторые интеллектуалы прибегли к традиционной форме инакомыслия, когда неугодные мнения передаются читателю через косвенные, образные аналогии, используемые в дискуссиях по истории, литературе, философии, искусству и театру. Однако цензура быстро распространилась на научные и культурные арены, начала считывать подобные приёмы.

Культурная революция стала периодом крайней цензуры публикаций и плодов культурного труда, возникшей из-за их явной политизации. Нельзя не признать, что печать на протяжении всей истории человечества представляла собой сильное идеологическое оружие. В тот период большинство китайских классиков были раскритикованы за «феодальное мышление», а многие иностранные произведения были признаны «буржуазными» и запрещены. Даже книги, посвященные китайской садово-ландшафтной культуре или цветочному искусству, были раскритикованы как пропагандирующие культурные вкусы «феодальных литераторов» и признаны «буржуазными». Массовая цензура применялась не только в книгоиздании, пострадала вся интеллектуально-культурная сфера.

Когда после Культурной революции партия провозгласила новый вектор политики, поставив своей первостепенной задачей экономическое развитие, деполитизация постепенно сменила пропаганду идеи классовой борьбы в культурной сфере, предоставив издателям больше возможностей для маневра в выборе того, что публиковать. Литературные произведения, запрещенные в предшествующий период, стали выходить большими тиражами и быстро распродавались. КПК обратила вспять стихийный антиинтеллектуализм предыдущего периода. Ранее репрессированные и гонимые интеллектуалы теперь приветствовались правительством, а публикация научных и технических трудов поощрялась как необходимая поддержка экономического роста.

Вместе с этим Дэн Сяопин поручил Народному издательству в 1978 году перевести и опубликовать серию западных академических книг по политической мысли. Этот процесс предоставил гораздо более свободную среду для внедрения политических и экономических идей с Запада, что затем еще больше расширило сферу книгоиздания.

Сдвиг издательской деятельности с преимущественно идеологической роли на все более экономическую после начала экономической реформы неизбежно повлек за собой институциональные изменения, то есть процесс коммерциализации. Партия хорошо осознавала неизбежные институциональные изменения в издательском деле, вызванные этим изменением роли. В официальной директиве, изданной в 1988 году о реформе издательств, было признано, что в целях адаптации к изменению старые институты издательств, включая систему контроля, необходимо активно и в то же время осторожно реформировать.

С конца 1950-х годов и до конца Культурной революции провозглашение книг своего рода товаром было идеологически неприемлемо, а бывший руководитель национального бюро издательского управления подвергся резкой критике как сторонник «капиталистического мышления» за поддержку этой точки зрения во время Культурной революции. Лишь в 1979 г. стало приемлемо называть книги товаром и утверждать, что деятельность издательств должна подчиняться новым экономическим правилам, направленным на извлечение прибыли. После всеобщего признания этой точки зрения, правительство обновило руководство по работе издательств. В директиве, обнародованной КПК в 1983 году, издательства были обязаны не только «преследовать социальную выгоду от публикаций», но и «преследовать экономическую выгоду от публикаций». Данная формулировка указывала на важность прибыли в деятельности издательств. Для достижения этой цели на заседании, состоявшемся в 1984 году, национальное издательское управление потребовало от издательств перевести свою деятельность с ориентации на простое производство и увеличение тиражей по государственному заказу на ориентацию на производство и полу-

Культурная революция стала периодом крайней цензуры публикаций и плодов культурного труда, возникшей из-за их явной политизации. Нельзя не признать, что печать на протяжении всей истории человечества представляла собой сильное идеологическое оружие

В официальной директиве, изданной в 1988 году о реформе издательств, было признано, что в целях адаптации к изменению старые институты издательств, включая систему контроля, необходимо активно и в то же время осторожно реформировать

чение коммерческой выгоды от реализации продукции[1].

В соответствии с изменяющейся издательской политикой происходило и формирование фондов библиотек континентального Китая. Книги изымались, по веянию времени, исходя из актуальной политической повестки, в период «культурной революции»; пополнялись новыми, в том числе и переводной западной литературой, во времена экономических реформ 80-х годов. Естественно, это касалось, прежде всего не публичных библиотек КНР, а университетских, формирующих интеллектуальную элиту страны. Публичные библиотеки страны того периода, в целом малочисленные, не могли играть существенную роль в формировании мировоззрения общества.

Рубеж тысячелетий снова поставил перед Китаем вопрос централизации, объединения исконных земель под единым управлением. Само воссоединение – не в новинку для Китая. Однако, сплавить в единый, монолитный состав два различных политико-экономических уклада – задача, во многом, новаторская

В то же время, в Гонконге и Макао дела обстояли иначе. Рыночная экономика, изначально ориентированная на получение прибыли и рассматривавшая книгу «как товар», давала издателям большую свободу для маневра, предлагая потенциальному покупателю разнообразный ассортимент книг, зачастую переводных или, непосредственно, на английском языке. Библиотечная сеть была гораздо более развитой, чем в континентальном Китае. Помимо публичных библиотек, включая мобильные, на этих территориях имелось большое количество университетских библиотек, в том числе и специализированных (музыкальная, медицинская, стоматологическая). В целом, политическая книжная цензура в Гонконге и Макао была направлена на уменьшение влияния идей КПК.

Декларируемая независимость политических систем должна базироваться на непосредственном принятии генеральной линии КПК, лояльности Пекину, вольности же могут соблюдаться в рамках дозволенного

Рубеж тысячелетий снова поставил перед Китаем вопрос централизации, объединения исконных земель под единым управлением. Само воссоединение – не в новинку для Китая. Однако, сплавить в единый, монолитный состав два различных политико-экономических уклада – задача, во многом, новаторская.

Концепция «Одна страна, две системы» - идея, предложенная в начале 1980-х г. Дэн Сяопином, политическим и государственным деятелем КНР. Дэн Сяопин предложил вариант, при котором существовал бы только один Китай, но при этом такие территории как Гонконг, Макао и Тайвань могли бы иметь свои собственные политические и экономические системы. Плюсы данной концепции очевидны – сохраняется привычный уклад жизни вновь приобретённых территорий, не разрушаются сложившиеся экономические связи. Однако, есть и существенные минусы. Декларируемая независимость политических систем должна базироваться на непосредственном принятии генеральной линии КПК, лояльности Пекину, вольности же могут соблюдаться в рамках дозволенного. Китайские интеллектуалы в то время не имели привилегии своих конфуцианских предшественников «уйти в свои кабинеты или на вершину холма, чтобы продолжить жизнь благородного ученого или художника», и «должны были участвовать в системе» в Народной Республике. Эта ситуация, безусловно, относилась к книгоизданию и другим областям культурного производства. Слова Мао часто появлялись в книгах по науке или технике, чтобы избегать критики за склонность к деполитизации. В более общем плане, поскольку издательское дело в основном вращалось вокруг нужд политических кампаний, возможности, оставленные издательствам, были очень ограничены. Хотя книгоиздание было полностью подчинено политическим нуждам, политические риски все же существовали, поскольку в тот период линия партии быстро менялась.

Разумеется, что при декларируемой политической, экономической автономности, культурная политика так же обособляется от материкового Китая. Хотя китайский мир един в своём многообразии, некоторые нюансы Макао, Гонконга могут не вписываться в пропагандируемую социо-культурную и историческую парадигму Большого Китая.

После того, как с 1 июля 1997 года Гонконг начал постепенное интегрирование в Единый Китай, а затем, с 20 декабря 1999 года, по тому же пути вступил Макао, в культурной политике вновь образованных административных единиц начались перемены.

Библиотеки не стали исключением, являясь наиболее доступным и массовым институтом для общества.

На 2018 год публичные библиотеки Гонконга представляют собой сеть из 71 стационарных библиотек и 12 мобильных библиотек, фонд - 15,38 млн. единиц хранения, включая книги, аудиовизуальные материалы, газеты, периодические издания, базы данных на компакт-дисках, микроформы и карты. [2]. Также насчитывалось несколько десятков университетских библиотек. Библиотечная сеть Макао располагает 16 публичными библиотеками с общим фондом 800 000 книг.[3].

Государственная культурная политика – это борьба за мировоззрение членов общества, за единообразное восприятие исторических, нравственных парадигм. Данная политика может воплощаться в реальность с большим или меньшим успехом, но её наличие – всегда есть непререкаемая данность.

Дабы по возможности встроить вновь приобретённые исторические территории в смысловой контекст Большого Китая, правительством Пекина был осуществлён ряд действий, направленных на унификацию и «идеологическую приемлемость» библиотечных фондов. В соответствии с законом «О Национальной безопасности Гонконга» от 1 июля 2020 года, власти изъяли книги продемократических писателей из публичных библиотек Гонконга [4] [5] . Считается, что более 100 наименований, многие из которых относятся к резне на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, были удалены из открытого доступа. В это же время городской отдел досуга и культурных услуг составил список из более чем 70 книг, которые считаются нарушающими закон, предусматривающий уголовную ответственность за публичную критику властей Гонконга и Китая. Среди «исчезнувших» книг — «Фактологический отчет о поисках жертв 4 июня » (т. 1 — т. 2) Дин Цзилиня, основателя группы кампании «Матери на площади Тяньаньмэнь». [6]

В целом, за последние 2 года с полок публичных библиотек Гонконга было удалено, по меньшей мере, 195 печатных книг на китайском языке и, за 3 года, 255 цифровых изданий. [7]

Поиск по ключевым словам, таким как “Тяньаньмэнь”, “4 июня 1989 года”, “революция” и “протест” в онлайн-каталогах библиотечной системы так же не находит результатов. [8]

Далее, опыт публичных библиотек Гонконга логично был распространён на школьные и университетские библиотеки. Так министр образования Гонконга Ян Жунсюн заявил, что библиотеки местных школ не могут хранить книги, нарушающие «Закон о национальной безопасности Гонконга». [9]

Идеологический сдвиг, последовавший за началом экономической реформы, не только способствовал институциональным изменениям, связанным с коммерциализацией издательской индустрии, но и создал больше культурных возможностей для коммерческой деятельности издательств и большей свободой для возможности публикаций. Хотя средства массовой информации с момента их коммерциализации подвергались двойному давлению со стороны партии и рынка, идеологический сдвиг помог смягчить давление, оказываемое партийной идеологией, и расширить совпадение между экономикой «чистого результата» и толерантностью «партийной линии». Без этого расширенного культурного охвата коммерциализация книгоиздания и других средств массовой информации была бы невозможна. Однако, поскольку критические взгляды обычно выходят за рамки терпимости партии, плюрализм в культурном поле ограничен. [1]

Какие перспективы китайских библиотек в плане духовно-нравственного воспитания общества на новых территориях? Несомненно, что через некоторое время, любая информация «сомнительного» содержания будет удалена из информационного поля, в частности из публичных, школьных университетских библиотек. Вероятно, доступ к ним, по примеру СССР, будет возможет лишь избранным людям со специальным допуском. Ибо, даже «идейно вредная» и «сомнительная» информация может быть полезна в будущем.

Идеологический сдвиг, последовавший за началом экономической реформы, не только способствовал институциональным изменениям, связанным с коммерциализацией издательской индустрии

[1] Ideology and the Commercialization of Book Publishing in China.

[2] https://www.hkpl.gov.hk/en/about-us/intro/intro.html. (режим доступа 10.02.2024)

[3] https://www.library.gov.mo/en/branch-libraries/public-library/northern-district/SunYatSen-wik (режим доступа 10.02.2024)

[4] https://www.independent.co.uk/news/world/asia/hong-kong-china-security-law-pro-democracy-books-libraries-a9603066.html (режим доступа 10.02.2024)

[5] https://www.gld.gov.hk/egazette/pdf/20202444e/es220202444136.pdf

[6] https://www.rfa.org/english/news/china/books-11242021093901.html (режим доступа 10.02.2024)

[7] https://hongkongfp.com/2023/05/26/not-recommended-reading-the-books-hong-kong-is-purging-from-public-libraries/ (режим доступа 10.02.2024)

[8] https://www.japantimes.co.jp/news/2023/05/18/asia-pacific/hong-kong-libraries-tiananmen-square/ (режим доступа 10.02.2024)

[9] https://udn.com/news/story/7331/6367613 (режим доступа 21.06.2021) ■

Без этого расширенного культурного охвата коммерциализация книгоиздания и других средств массовой информации была бы невозможна. Однако, поскольку критические взгляды обычно выходят за рамки терпимости партии, плюрализм в культурном поле ограничен